

Как уже указывалось, наличие в пьесах о Северной войне большого количества аллегорических фигур, символических образов и картин является одним из характерных признаков московской школьной драмы. Этот прием тесно связан, с одной стороны, с традициями западного школьного и средневекового театра (мистерии, моралите), а с другой — с характерным для петровского времени повышенным интересом к символам и аллегориям. Следует отметить, что использование аллегорических образов в русской литературе конца XVII—начала XVIII в. относится к новым художественным приемам, в то время как употребление символов и составление различных символических картин характерно еще для времени становления и развития древнерусской литературы. В связи с этим важно подчеркнуть существенную разницу в употреблении символов в древнерусской литературе и в московской школьной драматургии петровского времени. Как указывает Д. С. Лихачев, «борьба с теологической системой символов длилась в древнерусской литературе непрерывно вплоть до XVIII в., осложняясь господством богословия».⁴ Освобождение из-под власти богословия заключалось в материализации церковного символа. Весь ход развития литературы вел к вытеснению абстрагирующей богословской мысли средневековья, к демократизации литературы и к отказу от религиозной символики. Авторы же школьных панегириков, опиравшиеся на каноны пиитик XVI—XVII вв., были тесно связаны со средневековой теологией и со средневековыми литературными традициями. Поэтому символы, которые они использовали в своих действиях, были архаичны для литературы начала XVIII в. В связи с этим нужно вспомнить теорию символизма, развитую иеромонахом Иосифом Туробойским в предисловии к описанию триумфальных врат в книге «Преславное торжество свободителя Ливонии, отмстителя Неправедному Хищению, пленителя и покорителя прегордаго льва Свейскаго». Согласно этой теории, драматургам следует символически изображать реальные события («чуждым образом вещь вообразати»),⁵ причем средства такого изображения им надлежит заимствовать из Священного писания. И. Туробойский приводит примеры библейских символических образов.⁶ Практика художественного творчества московских драматургов соответствует этой теории. На сцене московской Академии появляются такие герои, как Мир (иногда Фортуна) с оливковой ветвью, Премудрость божия на дуге с крестом, Вера с крестом, Надежда с якорем и т. д.

---

⁴ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, стр. 165.

⁵ См.: Преславное торжество свободителя Ливонии, отмстителя Неправедному Хищению, пленителя и покорителя прегордаго льва Свейскаго. М., 1704, л. 8 об.

⁶ Там же, л. 9—9 об.